

5.5.8 ҲУҚУҚИ ҚИНОЯТӢ ВА КРИМИНОЛОГИЯ; ҲУҚУҚИ ИҚРОИ ҚАЗОИ ҚИНОЯТӢ
5.5.8 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

5.5.8 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL ENFORCEMENT LAW

5.1.4 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

5.1.4 ИЛМҲОИ ҚИНОЙ-ҲУҚУҚӢ

5.1.4 CRIMINAL-LAW SCIENCES

УДК 347.9:004.9

DOI 10.24412/3005-8023-2026-3-46-57

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРАВОСУДИЯ: ОТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ К ИЗМЕНЕНИЮ
ПРИНЦИПОВ ПРАВОПОРЯДКА**

**ТРАНСФОРМАТСИЯИ РАҚАМИИ
АДОЛАТ: АЗ ҲАЛҲОИ ТЕХНОЛОҒӢ ТО
ТАҒӢИРДИҲИИ ПРИНЦИПҲОИ
ТАРТИБОТИ ҲУҚУҚӢ**

**DIGITAL TRANSFORMATION OF
JUSTICE: FROM TECHNOLOGICAL
SOLUTIONS TO CHANGING THE
PRINCIPLES OF LEGAL ORDER**

Бакирова Нургуль Жакыповна,
канд. юрид. наук, докторант Ошского
государственного университета
(Бишкек, Кыргызстан)

Бакирова Нургуль Жакыповна,
н.и.х., докторанты Донишгоҳи давлатии
Ош (Бишкек, Қирғизистон)

Bakirova Nurgul Zhakypovna, candidate in
Law, doctoral student of Osh State
University (Bishkek, Kyrgyz Republic)
e-mail: nurbakirova73@yandex.com

Рассматривается феномен цифровизации в юридической науке и правоприменительной практике как комплексное социоправовое явление, радикально трансформирующее традиционные формы судопроизводства. Акцентируется внимание на разграничении понятий «оцифровка» и «цифровизация», подчеркивается методологическая ошибочность их смешения. Оцифровка ограничивается переводом информации в цифровую форму для автоматизации отдельных процедур, тогда как цифровизация предполагает системные изменения, включающие использование искусственного интеллекта, больших данных - Big Data и блокчейн-технологий. Проведен сравнительный анализ зарубежных и отечественных подходов к понятию цифрового и электронного правосудия. Показано, что электронное правосудие характеризует промежуточный этап технологической интеграции, в то время как цифровое правосудие соответствует странам с высоким уровнем внедрения инноваций, где алгоритмические системы уже принимают участие в вынесении судебных решений. Рассматриваются примеры интернет-судов Китая как передового опыта полной цифровизации судебного процесса. Особое внимание уделено экономическим критериям оценки цифрового правосудия. В условиях Четвёртой промышленной революции эффективность судебной системы связывается не только с правовыми параметрами, но и с уровнем технологической зрелости государства, степенью кибербезопасности и развитием электронного правительства. Сделан вывод, что цифровизация права является новой парадигмой развития правосудия, требующей баланса между технологическими инновациями, экономической целесообразностью и фундаментальными принципами справедливости и защиты прав человека.

Ключевые слова: цифровизация; правосудие; электронное правосудие; цифровое правосудие; искусственный интеллект; Big Data; блокчейн; кибербезопасность;

судебная система; эффективность; правовое регулирование; Четвёртая промышленная революция

Равандҳои рақамисозӣ дар илми ҳуқуқ ва амалияи ҳуқуқӣ баррасӣ шудааст, ки ҳамчун надидаи иҷтимоӣ ҳуқуқӣ шаклҳои суннати муруфиаи судиро ба таври кулӣ дигаргун месозад. Ба тафриқаи истилоҳҳои «рақамигардонӣ» ва «рақамикунонӣ» диққат дода шудааст ва иштибоҳи методологии махлут сохтани онҳо таъкид гардидааст. Рақамигардонӣ танҳо бо табдили маълумот ба шакли рақамӣ барои автоматинонии баъзе расмиёт маҳдуд мегардад, рақамикунонӣ бошад тағйироти низоммандро пешбинӣ мекунад, ки аз ҷумла истифодаи зеҳни сунъӣ, додаҳои калон (Big Data) ва технологияҳои блокчейнро дар бар мегирад. Таҳлили муқоисавии равишҳои хориҷӣ ва ватанӣ оид ба адолати рақамӣ ва адолати электронӣ сурат гирифтааст. Нишон дода шудааст, ки адолати электронӣ марҳилаи миёнаи ҳамгироии технологиро тавсиф мекунад, адолати рақамӣ бошад ба кишварҳое хос аст, ки дорои сатҳи баландтари инноватсия мебошанд ва дар онҳо низомҳои алгоритмӣ аллакай дар қабули қарорҳои судӣ иштирок мекунанд. Таҷрибаи судҳои интернетии Чин ҳамчун намунаи пешрафтаи рақамикунонии комили адолат баррасӣ мешавад. Ба меъёрҳои иқтисодии арзёбии адолати рақамӣ таваҷҷуҳи махсус зоҳир мегардад. Дар шароити Инқилоби чорум саноатӣ самаранокӣ низоми судӣ на танҳо ба параметрҳои ҳуқуқӣ, балки ба дараҷаи пешрафти технологӣ, сатҳи амнияти киберӣ ва рушди тақомули ҳукумати электронӣ вобаста мегардад. Хулоса карда мешавад, ки рақамикунонии ҳуқуқ дар рушди адолат ҳамчун парадигмаи нав баромад мекунад, ки мувозинати байни инноватсияҳои технологӣ, манфиатҳои иқтисодӣ ва принципҳои асосии адолат ва ҳимояи ҳуқуқи инсонро тақозо менамояд.

Калидвожаҳо: *рақамикунонӣ; адолат; адолати электронӣ; адолати рақамӣ; зеҳни сунъӣ; Big Data; блокчейн; амнияти киберӣ; низоми судӣ; самаранокӣ; танзими ҳуқуқӣ; Инқилоби чорум саноатӣ*

The article examines the phenomenon of digitalization in legal science and law enforcement practice as a complex socio-legal phenomenon that radically transforms traditional forms of judicial proceedings. Attention is focused on distinguishing between the concepts of "digitization" and "digitalization," and the methodological error of conflating them is emphasized. Digitization is limited to converting information into digital form to automate specific procedures, whereas digitalization entails systemic changes involving the use of artificial intelligence, Big Data, and blockchain technologies. A comparative analysis of foreign and domestic approaches to the concepts of digital and electronic justice has been conducted. It is shown that electronic justice represents an intermediate stage of technological integration, whereas digital justice corresponds to countries with high levels of innovation adoption, where algorithmic systems already participate in judicial decision-making. China's internet courts are examined as a prime example of the full digitalization of the judicial process. Particular attention is paid to the economic criteria for evaluating digital justice. In the context of the Fourth Industrial Revolution, the efficiency of the judicial system is linked not only to legal parameters but also to the state's level of technological maturity, the degree of cybersecurity, and the development of e-government. It is concluded that the digitalization of law represents a new paradigm for the development of the justice system, requiring a balance between technological innovation, economic expediency, and the fundamental principles of fairness and human rights protection.

Key-words: *digitalization; justice; electronic justice; digital justice; artificial intellect; big data; blockchain; cybersecurity; judicial system; efficiency; legal regulation; Fourth Industrial Revolution; classification; digital transformation; economic criteria*

Осмысление феномена цифровизации в современной юридической науке невозможно без обращения к имеющимся разнообразным концептуальным подходам, в которых отражена специфика её проявлений в различной сфере жизнедеятельности, в том числе в праве [1, с. 48-50]. Исследователи акцентируют внимание на том, что наполнение данного понятия осуществляется не только через категориально-правовой анализ, но и сквозь призму восприятия инновационных автоматизированных технологий, формирующих новый тип общественных отношений [2, с. 16-23].

В юридической литературе цифровизация понимается исследователями как системный подход к использованию цифровых ресурсов для повышения эффективности при защите прав и интересов граждан, направленных на достижение правосудия [3, с. 31-35]. Считаем, что данный подход представляет лишь один из ракурсов анализа многомерного и многогранного феномена, объединяющего имеющиеся юридико-социальные компоненты.

Современные реалии показывают, что развивающиеся цифровые технологии способны радикально трансформировать многие сферы деятельности, в том числе юриспруденцию, за счёт внедрения принципиально новых возможностей, которые формируют целый спектр категорий, которые либо уже стали объектами правового регулирования, либо объективно требуют их институционализации [4, с. 314-318]. Так, отдельные авторы указывают, что широкое распространение цифровых технологий обуславливает появление программных продуктов, поражающих воображение неподготовленного («неоцифрованного») пользователя. Эти продукты способны не только расширять когнитивные и коммуникативные возможности человека, но и создавать новые формы социального взаимодействия [5]. Наиболее яркими примерами выступают технологии «дополненной реальности» (augmented reality), которые позволяют человеку интегрировать цифровые слои информации в реальное пространство, тем самым открывая новые горизонты для восприятия, самовыражения и коммуникации. В сочетании с искусственным интеллектом (AI), технологиями обработки больших данных (*Big Data*) и нейросетевыми системами они формируют целостную экосистему цифрового развития [5].

С точки зрения правового регулирования, данная экосистема ставит перед государством и наукой задачу по переосмыслению базовых категорий: правосубъектности в цифровой среде, защиты персональных данных, ответственности за действия алгоритмов и цифровых агентов, а также справедливого распределения выгод от использования технологий. Таким образом, цифровизация предстает не просто как технологическая трансформация, а как комплексное социоправовое явление, меняющее структуру общественных отношений и требующее междисциплинарного подхода к исследованию, при этом считаем, что цифровизация юридической практики выступает органической частью глобальной технологической и социокультурной трансформации, отражающей переход к новой парадигме правового регулирования и юридической науки.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество современных исследований в данной области, уместно согласиться с мнением, согласно которому на сегодняшний день наблюдается острая нехватка объективной и систематизированной информации о реальных последствиях цифрового перехода для практики и методологии права [6, с. 28-35]. Такая ситуация в научных знаниях затрудняет формирование устойчивых теоретических оснований цифрового права и создает риски нормативных пробелов при разработке правовых механизмов регулирования.

В ряде исследований цифровизация в узком понимании трактуется как процесс перевода информации в цифровую форму, что обеспечивает формирование новых инструментов и возможностей в отдельных сферах общественной жизни [5]. Однако в широком понимании цифровизация определяется как общемировой тренд инновационного

развития, охватывающий все сферы социума и направленный на повышение качества жизни за счёт комплексного преобразования информации в цифровой формат [7, с. 170-174]. Здесь необходимо подчеркнуть, что цифровизация не ограничивается лишь преобразованием уже имеющихся данных в электронный вид (как это имеет место в случае оцифровки). Она предполагает принципиально более глубокий процесс — формирование новых автоматизированных технологий, обладающих возможностью не только аккумулировать и структурировать большие объёмы данных, но и выявлять закономерности, прогнозировать направления развития и обеспечивать принятие более обоснованных и эффективных управленческих и правовых решений, и именно такие данные должны быть трансформированы в понятие “электронное (цифровое) правосудие”.

Считаем, что необходимо дать отграничение *оцифровки* и *цифровизации*. Так, сама по себе *оцифровка* может способствовать повышению эффективности лишь в тех случаях, когда преобразованные в цифровую форму данные применяются для автоматизации отдельных процессов и обеспечения более широкого доступа к информации. Примерами могут служить существующие в мировой практике (Китай, Сингапур) интернет-суды и электронные судебные платформы, которые упрощают взаимодействие участников процесса. Однако сама по себе оцифровка не предполагает структурной оптимизации процедур или системных изменений в управлении данными.

В докладе Лаборатории юридических технологий Хельсинкского университета справедливо обращается внимание на необходимость строгого разграничения понятий «оцифровка» и «цифровизация» в юридическом дискурсе, поскольку их некорректное использование как взаимозаменяемых терминов ведет к методологическим ошибкам в научных исследованиях и правоприменительной практике [8]. В соответствии с определением, приведенным в Оксфордском словаре, «оцифровка» означает лишь «преобразование текста, изображений или звука в цифровую форму, которая может быть обработана компьютером» [9]. Мы поддерживаем позицию, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу правосудия влечет за собой не только модернизацию организационных процедур, но и структурные разрывы в правовых институтах, призванных обеспечивать реализацию концепции цифрового правосудия [10, с. 11-18]. Следовательно, цифровизация юридической деятельности имеет комплексное воздействие, затрагивая разнообразные группы интересов: от крупных юридических фирм и судебных учреждений до бизнеса и частных лиц. В этом смысле цифровизация предстает не как частный технологический процесс, а как фактор системного преобразования, который влечет за собой институциональные, организационные и нормативные изменения в архитектуре современного правопорядка.

На сегодняшний день в юридической литературе (в особенности в научных трудах зарубежных ученых) всё более активно употребляются различные понятия, отражающие трансформацию правосудия под воздействием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Наиболее распространёнными из них являются категории «цифровое правосудие» и «электронное правосудие». На первый взгляд данные термины могут восприниматься как синонимичные, однако подобное отождествление не вполне корректно, что подтверждается результатами сравнительного анализа. По нашему мнению, отсутствие на современном этапе единых общепринятых дефиниций данных понятий создаёт необходимость для их разграничения по уровню интеграции инновационных технологий в процесс судопроизводства. Так, термин «цифровое правосудие» целесообразно соотносить с юрисдикциями, где наблюдается высокий уровень внедрения автоматизированных систем и искусственного интеллекта в судебные процедуры (Китай, США, Сингапур). В свою очередь, «электронное правосудие» отражает

промежуточный этап развития и характерен для государств со средним уровнем технологической интеграции, который на сегодня наблюдается в странах СНГ в целом, и в Кыргызской Республике в частности.

Принципиальное отличие между указанными категориями заключается в глубине цифровой трансформации судебной деятельности. Если электронное правосудие ограничивается использованием электронного документооборота, онлайн-сервисов и отдельных цифровых инструментов поддержки процессов, то цифровое правосудие предполагает качественно иной уровень. В нём большинство процессуальных действий, включая подготовку материалов и формирование судебного решения, осуществляется с применением технологий искусственного интеллекта и алгоритмических систем. Можно сказать, что цифровое правосудие представляет собой более высокую стадию эволюции электронного правосудия, в которой роль судьи постепенно трансформируется: от основного субъекта процессуальной деятельности к фигуре, контролирующей корректность и легитимность действий автоматизированных систем. Это, в свою очередь, ставит перед юридической наукой и практикой вопросы о допустимых границах автоматизации, о соотношении технологических возможностей и принципов справедливого судебного разбирательства, а также о гарантиях защиты прав человека в условиях цифровой юстиции.

Показательным примером стремительной цифровой трансформации правосудия выступает Китай, где за сравнительно короткий период удалось сформировать принципиально новую модель судопроизводства посредством учреждения специализированных интернет-судов. Отличительной особенностью этих судебных инстанций является то, что производство по делам полностью осуществляется в цифровом формате, начиная от подачи искового заявления и заканчивая вынесением судебного акта. Примечательно, что в последние годы в интернет-судах КНР начали практиковаться решения, выносимые не человеком-судьей, а системами искусственного интеллекта, функционирующими в виде роботов, внешне имитирующих человеческий облик. Такой подход символизирует качественный переход к новому этапу автоматизации правосудия, в рамках которого роль традиционного субъекта судебной власти дополняется или частично замещается алгоритмическими технологиями. Важно отметить, что деятельность данных институтов была признана эффективной с позиции целого ряда параметров: временных издержек, финансовых затрат и оптимизации процессуальных процедур. Тем самым китайский опыт демонстрирует, что интеграция искусственного интеллекта в судебную систему способна не только ускорить рассмотрение дел и снизить нагрузку на судебский корпус, но и существенно трансформировать саму архитектуру судебной власти, задавая новые ориентиры для дальнейшего развития концепции цифрового правосудия.

В данном контексте заслуживает внимания мнение, что развитие технологий искусственного интеллекта в ближайшей перспективе станет неотъемлемым элементом судебной системы, позволяя заменить и деятельность аппарата суда, и отдельные аспекты работы судьи [11].

На сегодняшний день в странах СНГ, в том числе в Кыргызской Республике, электронное правосудие можно определить как способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на применении информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [12, с. 35-42]. При таком подходе речь преимущественно идёт о возможности совершения отдельных процессуальных действий в электронной форме, а не о комплексной цифровой трансформации судебной системы. Сходное определение есть и в международных

документах. Так, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № CM/Rec (2009) электронное правосудие определяется как использование информационно-коммуникационных технологий всеми заинтересованными субъектами в процессуальной форме с целью повышения качества правосудия. В частности в документе акцентируется внимание на таких аспектах, как электронное общение, обмен данными и расширение доступа к судебной информации [13]. На сегодняшний день модель электронного правосудия, внедряемая в Кыргызской Республике, так же как и в других странах СНГ, характеризуется преимущественно техническим и организационным измерением, обеспечивающим упрощение документооборота и коммуникаций. При этом для перехода к более высокому уровню цифрового правосудия потребуется не только развитие инфраструктуры, но и решение вопросов, связанных с унификацией биометрических данных, правовым статусом алгоритмов и сохранением гарантий справедливого судебного разбирательства.

Имеющаяся практика внедрения электронных технологий в судебную деятельность демонстрирует, что реализация процессуальных действий в цифровом формате сопряжена с целым рядом проблем. Наиболее значимыми среди них выступают: **технические ограничения**, обусловленные недостаточной развитостью инфраструктуры; **законодательные пробелы**, препятствующие эффективному регулированию электронных процедур; а также **экономические барьеры**, связанные с высокой стоимостью внедрения и обслуживания специализированных систем. Кроме того, действующее процессуальное законодательство прямо предусматривает возможность для полного отказа от совершения процессуальных действий в электронной форме в тех случаях, когда у суда отсутствуют необходимые технические ресурсы. В научной литературе справедливо высказывается мнение, что говорить о «полноценном электронном правосудии» преждевременно. Сущность правосудия связана с деятельностью судьи и его интеллектуальной, а не технологической функцией. В этой связи более корректным представляется использование термина **«электронное судопроизводство»**, поскольку в цифровой среде трансформируется не само правосудие как таковое, а лишь процессуальные формы его осуществления [14].

По нашему мнению, особый интерес вызывает вопрос, что переход к электронному судопроизводству предполагает наличие у участников процесса специальных компетенций в сфере современных цифровых технологий. Это обстоятельство неизбежно влияет на качество доступа к правосудию, поскольку различия в уровне цифровой грамотности сторон могут порождать фактическое неравенство в реализации процессуальных прав. Более того, перевод разрешения споров в электронный формат неизбежно трансформирует подход судьи к оценке фактических обстоятельств дела. В частности, могут быть **изменены параметры судейского усмотрения**, которое начинают формироваться в условиях цифровой среды под воздействием алгоритмически обработанных данных. Исходя из изложенного, можно сказать, что электронное судопроизводство является не только технологическим новшеством, но и фактором, способным оказать влияние на фундаментальные основы процессуальной деятельности, включая баланс между традиционной судебной ролью и технологически опосредованными формами принятия решений.

В зарубежной научной литературе высказывается мнение, что цифровое правосудие не должно отождествляться с традиционным судопроизводством. В самом общем виде оно трактуется не как судебный процесс в классическом понимании, а как особый механизм разрешения споров, призванный отвечать требованиям современного экономического и социального развития. В этой концепции подчеркивается, что большинство препятствий на пути цифровой трансформации правосудия во многом обусловлено консерватизмом

самой юридической профессии: именно юристы, по мнению ряда исследователей, сделали судебное разбирательство чрезмерно затянутым, непрозрачным, непредсказуемым и излишне сложным [15]. Вместе с тем нельзя отрицать факт, что цифровизация правосудия предполагает и трансформацию юридической профессии в целом. Право в таком формате всё более становится навыком, интегрированным в более широкий спектр профессиональных компетенций [1, с. 48-50; 4, с. 314-318]. В цифровом процессе ключевая роль может принадлежать не только юристам, но и аналитикам, IT-специалистам, архитекторам цифровых решений, дизайнерам интерфейсов и управленцам, в то время как традиционные адвокатские услуги окажутся менее востребованными. Базовые юридические знания, напротив, будут выступать не самостоятельным ресурсом, а важным дополнением к другим профессиональным умениям.

Необходимость цифровой трансформации правосудия подтверждается и экономическими аргументами. По оценкам исследователей, мировые расходы на судебные разбирательства приближаются к одному триллиону долларов США, при этом около половины этой суммы приходится на Соединённые Штаты Америки. Для США характерен не только самый высокий уровень судебных затрат, но и значительная продолжительность разрешения споров: в среднем судебный процесс занимает порядка трёх лет [16]. Эти данные служат веским основанием для поиска новых моделей цифрового разрешения конфликтов, способных снизить издержки и повысить доступность правосудия.

В целом считаем, что современные дискуссии о цифровизации правосудия нельзя признать полными без анализа классификаций, предложенных отечественными и зарубежными учёными. Особого внимания заслуживает подход исследователей из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором уровень цифровизации судопроизводства предлагается оценивать по экономическим критериям [17]. Такая постановка вопроса позволяет выйти за рамки традиционного юридико-технического измерения и рассматривать цифровую трансформацию правосудия через призму её влияния на государственные расходы, качество предоставляемых судебных услуг и формирование благоприятной деловой среды.

На современном этапе эффективность судебной системы нередко трактуется в интересах государства, что выражается прежде всего в сокращении затрат на её содержание. Однако подобная ориентация на экономию способна иметь и негативные последствия: сокращение кадрового состава аппарата судов, недостаточный уровень технического оснащения и, как результат, – снижение доступности и качества судебной защиты. Между тем в условиях рыночной экономики именно качество предоставляемых судебных услуг становится ключевым индикатором стабильности делового климата, от которого напрямую зависит инвестиционная привлекательность и экономический рост государства.

Важным элементом новизны в современных научных дискуссиях является акцент на том, что качество цифрового судопроизводства напрямую зависит от уровня развития искусственного интеллекта, технологий больших данных (Big Data) и блокчейн-технологий. Эти технологические драйверы Четвёртой промышленной революции (Industry 4.0) формируют новые критерии оценки эффективности судебной деятельности, смещая акценты с количественных параметров (сроки рассмотрения, нагрузка на судей) на качественные показатели — предсказуемость судебных решений, степень доверия к судебной системе и защищённость данных.

В юридической литературе выделяются три базовые качественные характеристики судопроизводства: **независимость** (как индикатор объективности судебных решений), **эффективность законодательной базы** (как показатель справедливости), а также

результативность разрешения споров (как критерий законности и устойчивости судебных актов) [18]. Однако считаем, что в цифровую эпоху приоритетным индикатором становится уровень внедрения информационно-коммуникационных технологий, определяющий способность судов адаптироваться к вызовам Четвёртой промышленной революции.

Так, согласно международным рейтингам цифровой конкурентоспособности [19], качественные параметры судопроизводства оцениваются по ряду технологических индикаторов:

- использование Big Data, блокчейна и искусственного интеллекта как признаков применения передовых технологий Индустрии 4.0;
- степень цифровизации государственных услуг (включая судебные) как индикатора технологического уровня предоставления публичных сервисов;
- уровень кибербезопасности, определяющий защищённость цифрового правосудия и доверие к нему общества [19].

Результаты исследований показывают, что среди стран, рассматриваемых в ходе сравнительного анализа, Сингапур занимает лидирующую позицию по уровню независимости судебной власти и эффективности разрешения споров, США — по качеству законодательного регулирования, Россия демонстрирует наибольшие успехи в области использования больших данных и обеспечения кибербезопасности, а Индия лидирует по развитию электронного правительства.

Таким образом, современные классификации цифрового правосудия позволяют утверждать, что его развитие напрямую связано с уровнем интеграции технологий искусственного интеллекта, Big Data и блокчейна в судебный процесс. Для государств с развитой цифровой индустрией это означает переход к предоставлению судебных услуг более высокого качества, при котором эффективность правосудия определяется не только внутренними правовыми факторами, но и уровнем технологической зрелости общества.

Следовательно, в условиях цифровой трансформации судопроизводства многократно возрастает роль основополагающих принципов правосудия. Именно они становятся инструментом преодоления правовых пробелов, коллизий и неопределённостей, возникающих вследствие опережающего развития технологий по сравнению с правовой регламентацией. Государство при этом выступает ключевым актором: от скоординированных действий всех ветвей власти зависит успешность интеграции новых принципов цифрового правосудия и формирование единой государственной политики в сфере цифровизации судопроизводства.

В целом, подводя итог, хочется сделать вывод, что цифровизация в юридической науке и практике выступает не только как технологическое явление, но и как комплексная социоправовая трансформация, затрагивающая фундаментальные принципы функционирования правосудия. Сравнительный анализ зарубежных и отечественных подходов позволяет выделить два ключевых уровня её проявления – электронное и цифровое правосудие, различающихся глубиной интеграции инновационных технологий. Если электронное правосудие ограничивается использованием электронного документооборота и отдельных сервисов, то цифровое правосудие демонстрирует качественно новый этап – включение алгоритмов и систем искусственного интеллекта в процесс принятия решений.

Как показал проведенный анализ, наиболее показательные примеры (Китай, Сингапур, США) демонстрируют, что цифровизация способна не только оптимизировать процессуальные процедуры и снизить затраты, но и кардинально изменить архитектуру судебной власти. Вместе с тем в странах СНГ, включая Кыргызскую Республику, цифровая трансформация пока ограничена организационно-техническими мерами и

требует институциональной доработки: формирования единой биометрической базы, нормативного определения статуса алгоритмов, а также создания гарантий справедливого разбирательства в условиях технологической автоматизации.

При этом имеющиеся и появляющиеся в научной литературе современные классификации цифрового правосудия всё чаще строятся по экономическим критериям, связывая эффективность судебной системы не только с внутренними правовыми параметрами, но и с уровнем технологической зрелости государства. В условиях Четвёртой промышленной революции качество правосудия оценивается через использование больших данных, блокчейн-технологий, систем искусственного интеллекта, уровня цифровизации госуслуг и кибербезопасности.

Итак, цифровое правосудие в глобальном измерении формируется как новая парадигма судебной власти, где технологическая модернизация неразрывно связана с изменением принципов правосудия. В этих условиях именно принципы становятся инструментом преодоления правовых пробелов, вызванных опережающим развитием технологий. Будущее правосудия во многом будет определяться способностью государства сбалансировать экономическую эффективность, технологические инновации и базовые ценности справедливости и прав человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдукаримова, Н. Э. Вопросы цифрового права в контексте конституционных прав человека / Н. Э. Абдукаримова // *Аграрное и земельное право*. – 2025. – № 1. – С. 48-50.
2. Мирошник, С. В. Развитие права в цифровую эпоху / С. В. Мирошник // *Российское правосудие*. – 2022. – № 1. – С. 16-23.
3. Червонюк, В. И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности / Статья 2. Техничко-юридический инструментарий и технологии в сфере действия права: традиционные взгляды и необходимость их переоценки / В. И. Червонюк // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2021. – № 2. – С. 31-35.
4. Абдукаримова, Н. Э. Коомду санариптеиштируу доорунда адамдын конституциялык жана санариптик укуктарын интеграциялоо жана трансформациялоо маселесине карата / Н. Э. Абдукаримова, К. А. Исаева // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. – 2024. – No. 6. – P. 314-318.
5. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / М. А. Рожкова, А. А. Алексейчук, О. В. Белая [и др.]; руководитель авторского коллектива и научный редактор М. А. Рожкова. – Москва: Статут, 2021. – 310 с.
6. Клеандров, М. И. Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия / М. И. Клеандров // *Экономика. Право. Общество*. – 2018. – № 1(13). – С. 28-35. – EDN XYLKBN.
7. Ананьева, А. А. Унификационные тренды цифровизации правосудия / А. А. Ананьева // *Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: сборник статей к 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Москва, 16 марта 2023 года* / Отв. за выпуск А.А. Арямов, Е.В. Бурдина, Е.В. Голошумов. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – С. 170-174. – EDN OLKRSY.
8. Koulu R., Kallio L., Hakkarainen J. Law and Digitalization – An Agenda for The Future// *Research Reports*, 2017. - N1. - Текст: электронный. URL: <https://www2.helsinki.fi/sites/default/files/atoms/files/ltl-report3.2.pdf>

9. Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator - Текст: электронный. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/digitization>
10. Корнев, А. В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6(103). – С. 11-18.
11. Авдеева Е.В., Агафонова Г.А., Беляев М.Д. и др. Судейское усмотрение: сборник статей / Отв. ред. Егорова О.А., Вайпан В.А., Фомин Д.А.; сост. Суворов А.А., Кравченко Д.В. Москва: Юстицинформ, 2020. – 176 с.
12. Солохин Е.А. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития / Е.А. Солохин // Российская юстиция. – 2021. – № 4. – С. 35–42.
13. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2009)1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка (Приняты Комитетом министров 18 февраля 2009 г. на 1049-м собрании заместителей министров) - Текст: электронный. URL: <http://dsnmp.ru/rekomendatsii-komiteta-ministrov-sov/>
14. Пономаренко, В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России [Текст] : штрихи концепции : [предпосылки внедрения электронного гражданского судопроизводства в России и его современное состояние, гражданский процесс как электронная коммуникативная система обработки информации, доступ к гражданскому судопроизводству в режиме "одного электронного окна": теоретические предпосылки, преимущества и механизм реализации, внегосударственная подсудность электронных дел и их автоматическое распределение между судами по принципу случайной выборки, деперсонификация сведений о составе суда] / В. А. Пономаренко. – Москва: Проспект, 2015. – 183 с.
15. Cohen M.A. Digital Litigation: Dispute Avoidance, Early-Detection, Accelerated Case Strategy, And Early-Resolution // Forbes. – Текст: электронный. URL: <https://www.forbes.com/sites/markcohen1/2021/04/19/digital-litigation-dispute-avoidance-early-detection-accelerated-case-strategy-and-early-resolution/?sh=76babca01858>
16. It costs trillions of dollars to settle commercial conflicts. It's time for Alternative Dispute Resolution // World Economic Forum. – Текст: электронный. URL: <http://www.weforum.org/agenda/2017/12/commercial-disputes-conflicts-costs-trillions-dollars-alternative-dispute-resolution>
17. Tang C., Bryan Ng. SFC's new guidance note redefines cooperation in disciplinary, civil court & market misconduct tribunal proceedings // Journal of Investment Compliance, 2018. - N19(3). – P. 45-47.
18. Yudi Fernando, Ramanathan R.M., Chidambaram, Wahyuni I.S. The impact of Big Data analytics & data security practices on service supply chain performance // Benchmarking: An International Journal. – 2018. – № 25(9). – P. 4009–4034.
19. World Digital Competitiveness Ranking 2019. – IMD World Competitiveness Center. – URL: <https://www.imd.org/wcc/world-digital-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019>.

REFERENCES:

1. Abdugarimova, N. E. Issues of Digital Law in the Context of Constitutional Human Rights / N. E. Abdugarimova // Agrarian and land law. – 2025. – No. 1. – PP. 48-50.
2. Miroshnik, S. V. Development of Law in the Digital Age / S. V. Miroshnik // Russian Justice. – 2022. – No. 1. – PP. 16-23.
3. Chervonyuk, V. I. Innovations in Law: Modern Legal Technologies in the Context of Digital Reality. Article 2. Technical-legal tools and technologies in the sphere of law: traditional

- views and the need for their re-evaluation / V. I. Chervonyuk // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2021. – No. 2. – PP. 31-35.
4. Abdugarimova, N. E. Addressing the Issue of Constitutional Integration and Transformation of Society Through Digitalization of Society / N. E. Abdugarimova, K. A. Isaeva // *Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan*. – 2024. – No. 6. – PP. 314-318.
 5. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: Legal Aspects of the Use of Digital Technologies in Commercial Activities: collective monograph / M. A. Rozhkova, A. A. Alekseychuk, O. V. Belaya [etc.]; head of the team of authors and scientific editor M. A. Rozhkova. - Moscow: Statute, 2021. – 310 pp.
 6. Kleandrov, M. I. The Digital Economy and Issues Concerning the Mechanism of Justice / M. I. Kleandrov // *Economics. Law. Society*. – 2018. – No. 1(13). – PP. 28–35. – EDN XYLKBN.
 7. Ananyeva, A. A. Unification Trends in the Digitalization of Justice / A. A. Ananyeva // *Organizational Models for Supporting Court Operations in the 21st Century: Russian and Foreign Experience and Development Prospects: Collection of Articles Marking the 25th Anniversary of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, March 16, 2023* / Eds. A. A. Aryamov, E. V. Burdina, E. V. Goloshumov. – Moscow: Russian State University of Justice, 2023. – PP. 170–174. – EDN OLKRSY.
 8. Koulou R., Kallio L., Hakkarainen J. Law and Digitalization – An Agenda for The Future// *Research Reports*, 2017. – N1. – Electronic text. URL: <https://www2.helsinki.fi/sites/default/files/atoms/files/ltl-report3.2.pdf>
 9. Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator – Electronic text. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/digitization>
 10. Kornev, A. V. Digitalization of Law: Problems and Prospects // *Actual Problems of Russian Law*. – 2019. – No. 6(103). – PP. 11–18
 11. Avdeeva E.V., Agafonova G.A., Belyaev M.D. et al. Judicial Discretion: Collection of Articles / Eds.-in-Chief: Egorova O.A., Vaipan V.A., Fomin D.A.; Compilers: Suvorov A.A., Kravchenko D.V. // Moscow: Yustitsinform, 2020. – 176 pp
 12. Solokhin E.A. Electronic Justice: Problems and Prospects for Development // *Russian Justice*. – 2021. – No. 4. – PP. 35–42
 13. Recommendation CM/Rec (2009)1 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on e-democracy and explanatory memorandum (Adopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies) – Text: electronic. URL: <http://dsnmp.ru/rekomendatsii-komiteta-ministrov-sov>
 14. Ponomarenko, V. A. Electronic Civil Proceedings in Russia [Text] : Outlines of a Concept: [prerequisites for the implementation of electronic civil proceedings in Russia and their current state; civil procedure as an electronic communicative information-processing system; access to civil proceedings via a "single electronic window": theoretical foundations, advantages, and implementation mechanism; extraterritorial jurisdiction over electronic cases and their automatic random allocation among courts; depersonalization of information regarding court composition] / V. A. Ponomarenko. – Moscow: Prospect, 2015. – 183 pp.
 15. Cohen M.A. Digital Litigation: Dispute Avoidance, Early-Detection, Accelerated Case Strategy, And Early-Resolution // *Forbes* – Electronic text. URL: <https://www.forbes.com/sites/markcohen1/2021/04/19/digital-litigation-dispute-avoidance-early-detection-accelerated-case-strategy-and-early-resolution/?sh=76babca0185>
 16. It costs trillions of dollars to settle commercial conflicts. It's time for Alternative Dispute Resolution // *World Economic Forum* – Electronic text: URL: <http://www.weforum.org/agenda/2017/12/commercial-disputes-conflicts-costs-trillions-dollars-alternative-dispute-resolution>

17. Tang C., Bryan Ng. *SFC's New Guidance Note Redefines Cooperation in Disciplinary, Civil Court & Market Misconduct Tribunal Proceedings* // *Journal of Investment Compliance*, 2018. - N19(3). – PP. 45-47.
18. Yudi Fernando, Ramanathan R.M., Chidambaram, Wahyuni I.S. *The Impact of Big Data Analytics & Data Security Practices on Service Supply Chain Performance* // *Benchmarking: An International Journal*. – 2018. – № 25(9). – PP. 4009–4034.
19. *World Digital Competitiveness Ranking 2019*. – IMD World Competitiveness Center. – URL: <https://www.imd.org/wcc/world-digital-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019>